

УДК 821.111

Дихотомия Нового и Старого Света в мистике У. Блейка

Ващенко Александр Владимирович

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур
и культур и отделением культурологии факультета иностранных языков и
регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова;
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы.
e-mail: cafedra526@yandex.ru

Ващенко Марина Алексеевна

Кандидат культурологии, профессор,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева;
127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49.
e-mail: a-editor@yandex.ru

Аннотация

Дихотомия Старого и Нового Света раскрывается Блейком в цикле пророческих поэм, от «Видений дочерей Альбиона» до «Французской революции», к «Америке» и «Европе». Их объединяет сочетание политического и мистического аспектов, и каждая по-своему отражает общую рассматриваемую дихотомию. Многозначность трактовки Блейком дихотомии Старого и Нового Света сохраняет значимость его выводов и для современной эпохи.

Ключевые слова

Дихотомия, мистицизм, Старый Свет, Новый Свет, пророчество, авторская мифология, аксиология

Введение

Среди «пророческих книг» Блейка, занимающих столь важное место в его интеллектуально-творческих исканиях, есть несколько вызывающих особое внимание. Речь идет о так называемых «политических пророчествах», посвященных так или иначе судьбам Старого и Нового Света. Это касается поэм «Французская революция» (1791), «Америка» (Пророчество) (1793) и «Европа» (Пророчество) (1794). Все три объединяет своеобразное соединение политического и мистического пафоса. В политическом аспекте в поэмах, объединяемых в цикл, главенствует проблематика революции.

Разумеется, интерпретация этих поэм невозможна без понимания мотивов и отличительных черт интересов самого Блейка – в частности, вопроса о том, что именно могло явиться побудительной причиной для создания указанного «малого цикла»?

Исследовательница Блейка Кэтлин Рэйн в своей монографии о нем поясняет проблему следующим образом: «Поклонники Блейка делятся на тех, кто видит в нем политического пропагандиста, с сожалением отошедшего от прямой вовлеченности в

проблемы дня в сферу непостижимого мистицизма; и на тех, для кого он являлся мистиком и визионером, различавшим, подобно иудейским пророкам, духовные причины, стоящие за событиями истории»¹. Отвечая на этот вопрос, очевидно, следует, припомнив годы жизни Блейка, соотнести их с эпохой, в которую он жил, и попытаться увидеть уникальную связь того и другого с содержанием и формой его произведений – как изобразительного их аспекта, так и авторского текста.

Революция и образ Нового света в литературе эпохи

Искусствоведы свидетельствуют о том, что согласно определенной закономерности в эпохи резкого взлета социальной нестабильности сильно возрастает элемент динамизма в искусстве². Что касается уникального изобразительного стиля Блейка, динамизм там не просто царит – он, можно сказать, неистовствует на гравюрах мастера, достигая невиданного напряжения, причем на всех уровнях изобразительности. Можно специально

1 Raine K. William Blake. – London, Thames and Hudson, 1970. – P. 71.

2 Feldman E.B. Varieties of Visual Experience. – Prentice Hall, 1992. – P. 175.

анализировать яркость, многообразие и ритмику цветовой гаммы, общую экспрессию композиции и монументальную выразительность мифологосимволических образов – прежде всего, повсюду в глаза бросится именно динамика изображаемого. Что стоит за ней? Думается, прежде всего интеллектуальный непокой, ощущение личной причастности к всемирным потрясениям, смысл которых остается разгадывать по отдельным прозрениям-пророчествам.

Таков, думается, в основе своей подход Блейка к своему материалу – как вообще, так и в частности, в интересующих нас «политических» пророческих книгах.

Если говорить об исторической эпохе, трудно найти другую, которая так изобиловала бы социальными потрясениями: Блейку выпало жить в эпоху революций, национально-освободительных движений и войн, классовых конфликтов, размежевания Старого и Нового Света, и романтизма, отразившего весь этот опыт в искусстве, причем весьма субъективно, через посредство собственного воображения. Эмоциональной напряженностью сильнее всего отмечены мотивы, проходящие через всю поэзию и графику Блейка. И, пожалуй, в сфере

политической главенствующими в его мистике будут все-таки мотивы, связанные с Альбионом (как помним, он использует древнее кельтское название Англии).

Вот почему, говоря о «политических» пророчествах поэта и художника, следует, строго говоря, обратиться к революции, которой он не застал, но от которой для родины Блейка началась новая эпоха исторического развития. Вот почему следует уточнить для начала, чем является для Блейка наследие английской революции и судьба Альбиона, поскольку именно эта идейная позиция окажется стартовой для оценки взглядов поэта на Старый, как и на Новый Свет.

Как известно, английская революция была в европейской истории самой долгой и кровавой, в целом охватив время более сорока лет, вместив в себя казнь короля, диктатуру Кромвелля, глубокий кризис первых двух сословий и реставрацию монархии.

Поэтому уроки английской революции не могли не быть множественными и противоречивыми, а для Блейка просто крайне недостаточными, хотя и весьма показательными. С идейно-эстетической точки зрения для него они воплотились, как известно, в личности и творческом наследии

Мильтона. Что означает, в конце концов, метафора «Потерянного рая» – не в библейском смысле, авторски интерпретируемом Мильтоном, а в контексте событий английской революции? Поэма Мильтона изначально «задана» неоднозначной в своей содержательной части, в этом ее художественная сила и, очевидно, то качество, которое привлекло к ней Блейка. После «Потерянного рая» Блейк уже не мог ставить своей художественной целью, как его учитель,

Исполни светом тьму мою, воз-
высь
Все брренное во мне, дабы я
смог
Решающие доводы найти
И благость Провиденья дока-
зать³.

Англия и Новый свет в образной системе Блейка

Построение грядущего Иерусалима после революции остается целью, несбыточной в Англии, хотя сама страна эта остается опорной для Блейка – в том смысле, что в ней (пусть и не без противоречий) ему видится некая матрица европейской цивилиза-

3 «Самсон-борец». Цит. пер. Арк. Штейнберга, ред. С. Шервинского.

ции. Именно на примере Англии становится видна ему вся исчерпанность духовного потенциала Старого Света и необходимость его обновления.

Это хорошо заметно в тексте поэмы «Видение дочерей Альбиона» (1793), первой из интересующих нас «политических» поэм, написанной и гравированной Блейком. Примечательно, что уже там, в лоне критики английских институтов и морали, возникает американская альтернативность:

Рыдают в рабстве Дщери Аль-
биона, стон их слышен
В долинах и в горах; к Америке
летят
Их вздохи:
Там безутешная душа Америки
Утуна
Бродила по долине Левты...⁴
И далее, в буквальном переводе: «Твои мягкие американские степи – мои...»⁵

Рефреном звучит, повторяясь и в финале, стих:

Вздыхают Дщери Альбиона,
слыша стон Утуны⁶.

4 Blake W. Selected Verse. Блейк У. Стихи. Сборник./ Сост. А.М. Зверев. – М., Прогресс, 1982. – С. 385.

5 Там же. – С. 386.

6 Там же. С. 401.

Уже здесь дихотомия Старого и Нового Света выражается в образах Утуны (Америка) и целого ряда «старосветских» образов – Уризена, Бромииона и прочих. И еще – в этой поэме впервые у Блейка заявлена связь Альбиона, т.е. Англии, и Америки, как «страны-матери» и страны-дочери». Связь эта амбивалентна – обе разделяет (не соединяет!) Атлантический океан, словно бы выступающий символическим водоразделом их ценностей и историко-культурного опыта.

Структурно поэма состоит из ряда философских вопросов, высвечивающих спор о мироздании, выявляющий недостаток любви как творческого акта и постижения высшей мудрости мира.

Вторая поэма, «Французская революция», сохранилась в виде гранок несостоявшегося издания, и несмотря на указания о задуманных семи книгах, первая, скорее всего, оказалась и последней. По содержанию это хроника революционных событий, развернувшихся вокруг падения Бастилии. Важнейшее противопоставление здесь – исчерпавшая свой исторический срок монархия в лице короля и поддерживающей его церкви, с одной стороны, и народ, – с

другой. Конечно, французская революция – веха общественной жизни Европы и к тому же – враг Англии, объявившей ей войну. Однако требования демократии остаются втуне и на французской, так же как и на английской, почве, поэтому взятие Бастилии, отраженное в первой книге, не получило продолжения в последующем.

И вот, наконец, перед нами поэма «Америка: пророчество» (1793). Чтобы оценить вклад Блейка в осмысление проблемы появления в сознании человечества Нового Света, уместно коснуться восприятия этого феномена современниками поэта-гравера.

Епископ Джордж Беркли, философ и литератор, побывав в Америке в 1720 годах, написал о ней восторженные строки: «Стихи, посвященные перспективам насаждения искусств и учености в Америке», откуда часто приводят известные строки:

К Западу курс империи вершит
свой путь,

Четыре первых этапа уж пройдены,

Но последний благороднейшим
будет⁷.

7 Цит. по кн.: Folsom J. The American Western Novel. – N.Y., Methuen, 1966. – P. 3. Подстр. пер. наш – А.В., М.В.

Другими словами, автор видел в продвижении европейской цивилизации на запад расширение Британской империи, и прославлял его в профетических стихах. Уильям Голдсмит, внучатный племянник известного английского писателя и поэта, автора «Покинутой деревни» (1770), сходным образом уповает на возрождение английской деревни на канадской почве, вступая в диалог со своим английским родичем в поэме «Строящаяся деревня» (Лондон, 1825).

Таким образом, можно привести немало примеров восторженного противопоставления Старого и Нового Света, превратившегося в расхожую тенденцию эпохи, когда создавалась поэма Блейка. Его поэму «Америка», отличает от поверхностно апологетических произведений серьезный настрой, выразившийся в ряде глубоких размышлений.

Прелюдия к поэме нужна автору для создания портрета дикого духа Америки Орка как выражения дикой первозданной свободной сути континента, который овладевает Уртоной (воплощением инстинкта). Их соединение – бурный союз природных сил и двух начал, мужского и женского. Прелюдия также необходима поэту для утверждения картины, навеянной

Воображением, ибо оно становится важнейшим аргументом в создании образа Нового Света.

Само же пророчество описано в двойной тональности: политической и мистической. Враждующие стороны представлены, с одной стороны – принцем, охраняющим Альбион, т.е. королем, угрожающим колониям войной (натянутый лук) и тиранией (железная цепь). С другой стоят тринадцать ангелов (колонии) и деятели американской революции, неоднократно упоминаемые в поэме, от лица которых говорит Вашингтон.

Образ Америки многократно метафорически осмысливается в тексте, она именуется чудом, жаром, кометой, предстает мировым потрясением. Для Англии тот факт, что Америка существует, означает конец эпохи рабства, угнетения по любому признаку. Пространственный перечень утверждает, что отныне свободны даже мертвые, тем более рабы, души в узилищах, дети и жены свободны от всякой эксплуатации, «ибо нет больше Империи, и отныне Лев и Волк исчезнут»⁸ На мистическом уровне спорят два духа – Ангел Альбиона и вольный дух Аме-

8 Blake W. Selected Verse. Блейк У. Стихи. Сборник./ Сост. А.М. Зверев. – М., Прогресс, 1982. – С. 450.

рики Орк, обвиняемый как «любитель дикого мятежа», «преступатель закона Божьего⁹, «Пожиратель своего родителя»¹⁰. Орк, в свою очередь, осуждает религиозный закон Уризена, царящий в Старом Свете. От имени Бостонской колонии («бостонского Ангела») звучит ряд насущных вопросов, требующих пересмотра нравственных законов мира. Теперь, с появлением новой меры Свободы, о них автор от лица Америки говорит: «Довольно! Больше я вам не слуга!»¹¹.

Заключительная часть поэмы рисует апокалипсические картины смуты, войны, катастроф, охвативших Америку вследствие вторжения королевских войск, и затем – наказание эпидемией чумы, обрушившейся на Англию за это. Вражда Уризена и Орка – это конфликт двух миропорядков, в первом случае одряхлевшего исторически и прогневившего духовно, во втором – вольнолюбивого, за которым будущее. Финальный вывод Блейка прозрачно касается последствий появления американских вольностей для Европы:

Троны небес трясутся! Немец,
испанец, француз

9 Там же.

10 Там же. – С. 454.

11 Там же. – С. 456.

Видят гибель в мученьях мощи
английской былой –

Прахом она пошла, чумой умерла
изнутри.

Прочь поспешили все – спасти
Небеса, запереть

Храм пятивратный, Веру, грезы
дурные прогнать,

Ржу отчаянья смыть... Но с Орком
не сладят они,

Врат не уберегут – ведь в огне
растекся засов.

Дикое пламя Небо, Землю и
Душу пожрет¹².

А.М. Зверев, составитель русского двуязычного издания поэзии Блейка и один из ведущих ученых-американистов, интерпретируя финал поэмы, заключает: «Образ, созданный в финале поэмы, – грандиозный космический образ огня, борющегося с водами Атлантики и бушующего над двумя континентами, – заключает в себе мысль об очистительном нравственном пламени революции, которая призвана сокрушить Вавилон, воздвигнутый в сердцах людей. Не просто политический переворот, а революция духа является для Блейка ручательством, что воды Атлантики не затопят новосозданный материк Воображения, как в свое время затопили

12 Там же. – С. 465.

они английский остров, обращенный в темницу. Для Блейка назначение революции – приблизить день, когда исчезнут все сухопутные и водные границы, разделившие братьев по крови, и люди снова станут семьей, живущей по законам, которые записаны в Вечносущем евангелии»¹³.

Поэма «Европа» хронологически появилась последней (1794), словно бы завершая сопоставительный анализ Блейка. Для автора сон Энитармон означает века рабства, физического и духовного, от начала христианства до Французской революции, когда вместе с вольностью возникает Орк и пробуждается Энитармон. В поэме «Европа» Англия выступает вновь самой реакционной страной Старого Света, и даже ангел, пытаясь возвестить Судный день, не в силах этого сделать, потому что труба молчит! И лишь явление Ньютона позволяет звуку пробиться наружу. Правда, как известно, и на Ньютона Блейк смотрел по-особому. Согласно мысли К.Рэйн, Блейк подходил к английской нации на уровне духовных черт, а не повседневной политики. «Каждый Естественный эффект имеет под собой Духовную Причину, а не Естественную; ибо Естественная при-

13 Там же. – С. 24.

чина всегда лишь кажущаяся»¹⁴. То же относится, следовательно, и к выдающимся людям, таким, как Ньютон, Нельсон или Питт.

Заключение

Здесь не место исследовать причины создания Блейком авторской мифологии, о происхождении которой также есть немало различных суждений. Видимо, Блейк не видел для себя иного выхода. Один из его мифологических персонажей признается: «Я должен создать Систему (самостоятельную – А.В., М.В.), или я буду порабощен другим человеком», что подразумевало избавление от пут, накладывавшихся стихосложением XVIII века, от материалистической философии (как он ее себе представлял) Просвещения и пуританской, или репрессивной, интерпретации христианства». Так, в эстетике, философии и мистике проявилось, вероятно, главное личностное качество Блейка – стремление к независимости, самостоятельности самовыражения, что и составляет сегодня одно из важнейших его завоеваний и уроков его творческого наследия. Его пророче-

14 Raine K. William Blake. – London, Thames and Hudson, 1970. – P. 74.

ства многозначны, а мифологические персонажи противоречивы, поскольку воплощают сложные и неоднозначные мировые феномены.

Поэтому противопоставление Старого и Нового Света по политическим, как и нравственным, а также чисто мистическим параметрам остается и поныне справедливым для современного сознания. Мы легко способны ощутить себя в рамках блейковского восприятия феномена. Америка (а на самом деле множество неоднозначных и противоречивых Америк) остается сегодня мало понятной или приемлемой аксиологической альтернативой Европе (как и самой себе), так же как Европа – мало понятной альтернативой для Америки. У Блейка

легко найти причины того, что такое положение может сохраняться долго. Во всяком случае, образно говоря, стон Утуны и стенания Дщерей Альбиона явственно различимы нашему слуху и до сих пор.

Библиография

1. Blake W. Selected Verse. Блейк У. Стихи. Сборник./ Сост. А.М. Зверев. – М., Прогресс, 1982. – 558 с.
2. Feldman E.B. Varieties of Visual Experience. – Prentice Hall, 1992. – 544 p.
3. Folsom J. The American Western Novel. – N.Y., Methuen, 1966. – 341 p.
4. Raine K. William Blake. – London, Thames and Hudson, 1970. – 216 p.

The dichotomy of New and Old World in the mystics of William Blake

Vashchenko Aleksandr Vladimirovich

Full Doctor of Philology, professor,
Head of the Comparative study of National literatures and cultures,
Head of and Cultural studies Department of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University;
P.O. Box 119991, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russia
e-mail: cafedra526@yandex.ru

Vashchenko Marina Alekseevna

PhD (Cultural studies), professor,
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy;
P.O. Box 127550, Timiryazevskaya st., 49, Moscow, Russia
e-mail: a-editor@yandex.ru

Abstract

The Dichotomy of the Old and the New World with Blake becomes the subject of several "political prophecies", a kind of a cycle, from "Visions of the Daughters of Albion" to the "French Revolution", "America" and "Europe". All of these exhibit the mixture of political and mystical aspects, reflecting the same dichotomy. In politics, the drive for comparison is England and, therefore, the controversial heritage of the English Revolution. England is seen as the most reactionary country in Europe and simultaneously the matrix of the spirit of the Old World. Prelude creates the imaginary view of America. Its historical appearance is seen as the global cataclysm and means the end of slavery of all kinds in the Old World. On the level of mysticism, the conflict is represented by the strife of Urizen and Orc. The multiple sense, with which Blake regards the dichotomy of the Old and the New World, still keeps its meaning for the contemporary times.

Keywords

Dichotomy, mysticism, Old World, New World, the prophecy, the author's mythology, axiology

References

1. Blake, W. (1982), *Selected Verse*, in English and Russian, ed. A.M. Zverev, Moscow, Progress, 558 p.
2. Feldman, E.B. (1992), *Varieties of Visual Experience*, Prentice Hall, 544 p.
3. Folsom, J. (1966), *The American Western Novel*, N.Y., Methuen, 341 p.
4. Raine, K. (1970), *William Blake*, London, Thames and Hudson, 216 p.